

Ганс Христиан Андерсен

Сидень

Пер. А. Ганзен

В старой барской усадьбе жили славные молодые господа. Жили они богато, счастливо, себе ни в чем не отказывали и других не забывали - делали много добра; им хотелось всех видеть такими же счастливыми, довольными, какими были сами.

В сочельник в рыцарском зале замка зажигалась великолепно разукрашенная ёлка; в камине ярко пылал огонь, а рамы старых картин были окружены венками из еловых ветвей. К господам собирались гости, начинались музыка, танцы.

А пораньше, под вечер, рождественское веселье устраивалось и в людской. Тут тоже красовалась большая ёлка, пестревшая красными и белыми свечками, национальными флагами, бумажными лебедями и сеточками, наполненными сладостями. На эту ёлку приглашали также всех бедных ребятишек из округа с их матерями. Матери не очень-то заглядывались на ёлку, а больше всё поглядывали на стол с подарками: шерстяными и бумажными материями на платья и штанишки. Туда же смотрели и дети постарше, а только малыши тянулись ручонками к свечам, мишуре и флагам.

Вся эта пёстрая компания являлась сюда рано, после полудня, и угощалась рождественскою кашею и жареным гусём с красною капустою; после же того, как все успевали досыта налюбоваться ёлкой и получить свои подарки, каждому подносили ещё по стаканчику пунша да по яблочной пышке.

Затем гости расходились по своим бедным лачугам, и там-то начинались разговоры о том, как славно живётся барам - как они сладко едят и пьют, а, наговорившись, все принимались ещё раз хорошенько разглядывать свои подарки.

В услужении у господ жили также Оле и Кирстина - муж с женою. Они были приставлены к господскому саду в помощь садовнику и получали за свой труд помещение и стол. Кроме того, на их долю каждый сочельник доставались положенные подарки, и всех пятерых детей одевали за свой счёт господа.

- Много делают добра наши господа! - говорили муж и жена. - Ну, да ведь на то у них и средства, чтобы доставлять себе этим удовольствие!

- Тут славные платья для четверых ребят! - сказал Оле. - Что же нет ничего для Сидня? Прежде они и его не забывали, хоть он и не бывает на ёлке!

Сиднем прозвали они старшего сына; звали же его, собственно, Гансом. Малышом он был резвым, крепким ребёнком, но потом вдруг с чего-то «ослабел ногами», как они говорили, - не мог больше ни стоять, ни ходить, и вот лежал в постели уже пятый год.

- У меня есть кое-что и для него! - сказала мать. - Только не бог весть что - книжка для чтения!

- Сыт он с неё будет, нечего сказать! - заметил отец.

Зато сам-то Ганс очень обрадовался книжке. Он был мальчик способный, любил читать, да и работать не ленился и трудился, насколько хватало сил и умения. Он не сходил с постели, но руки у него были проворные, и он прилежно вязал шерстяные чулки и даже одеяла, которые госпожа помещица хвалила и покупала.

Книжка, что подарили Гансу господа, оказалась собранием сказок. Было ему теперь что почитать, о чём поразмыслить!

- А в доме-то от неё всё-таки пользы мало! - сказали родители. - Ну, да пусть себе почитает от скуки, не всё же ему чулки вязать!

Пришла весна; начала пробиваться травка, показались первые цветочки, а с ними и сорные травы, как например, можно обозвать крапиву, хотя о ней так прекрасно сказано в псалме:

*Хотя бы всех земных царей
Со всех концов земли созвать,
То всё же властью им своей
Листка крапивы не создать!*

В господском саду было поэтому много работы не только самому садовнику и его ученикам, но и Оле и Кирстине.

- Ну и работа! - говорили они. - Только что мы выколем и вычистим все дорожки - их опять затопчут! Гости-то ведь у господ не переводятся! И во что это обходится им! Ну, да и то сказать - куда ж им деньги-то девать?

- Да мудрёно распределено всё на свете! - сказал Оле. - Все мы дети одного Отца - Господа, говорит священник, откуда же такая разница?

- Пошла она с грехопадения! - говорила Кирстина.

Об этом же зашёл у них разговор и вечером, когда Сидень лежал и читал сказки. От нужды и тяжёлого труда огрубели не только руки, но и сердце и мысли бедняков; они не могли переварить своей бедности, не могли взять в толк её причин и, говоря о том, раздражались всё больше и больше.

- Одни живут в довольстве и в счастье, другие век свой должны мыкать горе! И с какой стати нам платиться за непослушание и любопытство наших прародителей! Мы бы на их месте ничего такого не сделали!

- Сделали бы! - сказал вдруг Сидень. - Вот тут, в книжке, всё сказано!

- Что там сказано? - спросили родители.

И Ганс прочёл им старую сказку о дровосеке и его жене. Они тоже бранили Адама и Еву за их любопытство, ставшее виною людского несчастья, а в это время мимо как раз проходил король той страны. «Идите за мною!» - сказал он. - Вы будете жить не хуже меня; на стол вам будут подавать по семи блюд, да ещё одно сверх того, но на него вы можете только смотреть. Стоит же вам дотронуться до этой закрытой миски - конец вашему сладкому житью!» - «Что бы такое было в этой миске?» - спросила жена. «Это нас не касается!» - ответил муж. «Да я не любопытствую!» - продолжала жена. - Мне только хотелось бы знать, почему нам нельзя приподнять крышку? Уж, наверное, там что-нибудь отменно вкусное!» - Только бы не какая-нибудь хитрая механика!» - сказал муж. - Вдруг как выстрелит да всполошит весь дом!» - «Ой-ой!» - сказала жена и не посмела дотронуться до миски. Но ночью ей приснилось, что крышка приподнялась сама собой и из миски запахло чудеснейшим пуншем, какой подают только на свадьбах да на похоронах. Ещё в миске лежала серебряная монетка с надписью: «Напьётесь этого пунша и сделаетесь такими богачами, что все остальные люди будут перед вами нищими!» Тут она проснулась и рассказала мужу свой сон. «Ты слишком много думаешь об этом!» - сказал он. «А что, если чуть-чуть приподнять крышку?» - сказала жена. «Только чуть-чуть, смотри!» - сказал муж. Жена приподняла крышку - чуть-чуть... Из миски выскочили два юрких мышонка и шмыгнули в щёлочку. «Спокойной ночи!» - сказал король. - Можете теперь отправляться восвояси! Да не браните больше Адама и Еву - вы сами такие же любопытные и неблагодарные!»

- Как эта история могла попасть в книгу? - спросил Оле. - Ведь она точно про нас написана! Да, тут есть над чем призадуматься!

На другой день они опять пошли на работу, и за день-то их солнцем пожгло и дождиком до костей промочило. Опять накопело у них на душе, опять принялись они переживать невеселые думы. Отужинали они засветло, и Оле сказал Гансу:

- Ну-ка, прочти нам опять ту историю о дровосеке!

- Да тут много других хороших! - сказал Ганс. - Вы их ещё не знаете!

- И не надо! - ответил отец. - Я хочу слышать ту, которую знаю!

И муж с женою опять прослушали ту же сказку. И не раз ещё возвращались они к ней по вечерам.

- Не всё-то она мне, однако, распутывает! - сказал раз Оле. - Поди ж ты вот, и с людьми бывает, что с молоком, когда оно скисает: выходит и дорогой сыр и жидкая сыворотка! Иные так уж и родятся на счастье да на радость, никакого горя, никакой нужды весь век не знают!

Сидень лежал и слушал. Он был слаб ногами, но не умом, и вот взял да в ответ на это и прочел родителям из своей книжки сказку о человеке, который сроду не знал ни горя, ни нужды. Да, где только было искать такого человека? А найти его надо было: король лежал при смерти, и спасти его могла только рубашка с человека, который бы по правде мог сказать, что сроду не знал ни горя, ни нужды. Разослали гонцов во все концы света, по всем замкам и усадьбам, ко всем зажиточным и довольным жизнью людям, но стоило хорошенько порасспросить их, и оказывалось, что все они испытывали и нужду и горе. «А вот я - нет!» - заявил один свинопас; он сидел у канавы и весело распевал песенку. «Я счастливейший человек на свете!» - «Так давай сюда твою рубашку!» - сказали посланные. - Тебе дадут за неё полкоролевства!» Но у него не было рубашки. А он всё-таки считал себя счастливецом!

- Вот так франт! - вскричал Оле, и оба - и он и жена - принялись смеяться, как не смеялись уже много лет.

А мимо их жилища проходил школьный учитель.

- Ишь, какое у вас сегодня веселье! - сказал он. - Вот редкость-то! В лотерею выиграли, что ли?

- Нет, нето! - сказал Оле. - Это вот Ганс прочёл нам сказку о человеке, сроду не знавшем ни нужды, ни горя, а оказалось, что у молодца и рубашки-то не тале не было! Поневоле размякнешь душой, как послушаешь такую историю, да ещё прямо из книжки! Правда, знать, у всякого свой крест, никто не избавлен от этого! Всё-таки утешение!

- Откуда у вас эта книга? - спросил учитель.

- А её прошлый год подарили Гансу на ёлке! Господа подарили. Они знают, что он охотник читать, да и Сидень вдобавок! Мы-то было жалели тогда, что они не подарили ему лучше на пару рубах! Но книжка-то оказалась дельною: она словно отвечает тебе на все твои мысли!

Учитель взял книжку и раскрыл её.

- Ну-ка, пусть он прочтёт нам эту историю ещё разок! - спросил Оле. - Я не запомнил её как следует. А потом пусть прочтёт и другую - о дровосеке!

Этих двух сказок вполне хватало Оле; они как будто освещали солнышком всё жильё и разгоняли тяжёлые, мрачные думы, одолевшие бедняков. А сам-то Ганс успел прочесть и перечесть всю книжку не раз; сказки уносили его в недоступный ему мир, - ноги ведь не носили бедняжку.

Школьный учитель присел у постели и побеседовал с мальчиком. Беседа эта обоим доставила большое удовольствие, и с того дня учитель часто стал заходить к Гансу, когда родители были на работе. Для мальчика же каждое посещение учителя было настоящим праздником. Как внимательно слушал он рассказы старика о величине земли, о разных странах, о том, что солнце почти в полмиллиона раз больше земли и находится так далеко от неё, что пущенное с солнца пушечное ядро долетело бы до земли только через двадцать пять лет, тогда как луч света достигает до неё всего в восемь минут.

Всё это известно в наше время каждому прилежному школьнику, но для Ганса всё это было новостью куда более чудесною, нежели все сказки в его книжке.

Раза два в году школьного учителя приглашали отобедать в замке, и вот однажды он воспользовался случаем - рассказал господам, какое значение приобрела для бедняков та книжка, которую они подарили мальчику, какое благодетельное, отрезвляющее влияние имели на бедняков какие-нибудь две сказки! Хилый, но умный мальчик вливал своим чтением мир и отраду в сердца родителей и заставлял работать их мысли.

Когда учитель стал прощаться, госпожа вручила ему пару серебряных дилеров для маленького Ганса.

- Пусть их возьмут отец с матерью! - сказал Ганс, когда учитель принёс ему деньги.

А те сказали:

- Сидень-то тоже, оказывается, приносит нам радость и пользу!

Два дня спустя, днём, когда родители Ганса были на работе, перед жилищем их остановилась господская карета. Это пожаловала навестить Сидня сама добрая госпожа; она была так рада, что её рождественский подарок доставил столько утехи и удовольствия и родителям и мальчику! На этот раз она привезла ему белого хлеба, фруктов, бутылку сладкого сока и - что всего больше обрадовало Ганса - вызолоченную клетку с маленькою черненькою птичкой. Как она мило насвистывала! Клетку с птичкой поставили на высокий деревянный сундук, неподалёку от постели мальчика, чтобы он постоянно мог любоваться на птичку. Пение же её слышно было даже на улице.

Оле и Кирстина вернулись домой уже после отъезда госпожи. Они хоть и видели, как рад был птичке мальчик, всё-таки отнеслись к подарку как к лишней обузе в доме.

- Много они понимают, эти баре! - сказали они. - Вот у нас теперь ещё новая забота - ходить за птицей! Сам-то Сидень ведь не может! Ну, и кончится тем, что кошка съест её!

Прошло неделя, прошла другая; кошка за это время много раз побывала в горнице, не выказывая поползновения даже испугать птичку, не то что съесть. Но вот случилось удивительное событие. Дело было после обеда, родители и все дети были на работе; дома оставался один Ганс. Он сидел на постели и перечитывал сказку о жене рыбака, все желания которой исполнялись сейчас же. Захотелось стать королевой и стала, захотела стать императрицей - тоже, но когда захотела стать самим Богом - очутилась опять в грязи, откуда только что выбралась.

История эта не имела ни малейшего отношения ни к птице, ни к кошке; Сидень только читал её, когда произошло замечательное событие, и навсегда запомнил это обстоятельство.

Клетка помещалась на сундуке; кошка стояла на полу и пристально глядела на птицу своими желто-зелеными глазами. Взгляд её как будто говорил птичке: «Как ты мила! Так бы и съела тебя!»

Ганс прочёл это во взгляде кошки и закричал: «Брысь! Вон из комнаты!» А кошка как будто готовилась к прыжку.

Ганс не мог достать до неё, и под руками у него не было ничего, кроме драгоценнейшего его сокровища - книжки со сказками. Но он всё-таки бросил её в кошку; корочки переплёта оторвались и полетели в одну сторону, а книжка в другую. Кошка же только слегка отодвинулась и посмотрела на Ганса, словно говоря: «И не суйся лучше, милый мой! Я-то могу и бегать и прыгать, а ты вот нет!»

Ганс следил за каждым движением кошки и весь дрожал от волнения. Птичка тоже заметалась в клетке. Позвать было некого, и кошка точно знала это. Вот она опять стала готовиться к прыжку. Ганс принялся махать на неё своим одеялом - руками-то он мог действовать, - но кошка не обращала на одеяло никакого внимания. Наконец Ганс даже запустил в неё одеялом, но без всякой пользы; кошка вскочила на стул, а потом на подоконник, откуда было ближе добраться до птички.

Вся кровь прихлынула к сердцу Ганса, но он о том и не думал, он думал только о кошке и птичке. Что же, однако, мог он сделать? Как ему сойти с постели? Он не мог даже встать на ноги, не то что ходить!.. Сердце мальчика как будто перевернулось в груди, когда он увидел, что кошка вдруг прыгнула с окна прямо на сундук и опрокинула клетку набок. Птичка отчаянно забилась. Ганс вскрикнул, по телу его пробежал судорожный трепет, и он, не помня себя, спрыгнул с постели, кинулся к сундуку, скинул на пол кошку, крепко схватил клетку с перепуганной птичкой и выбежал на улицу. Тут у него брызнули из глаз слёзы, и он громко закричал: «Я могу ходить! Я могу ходить!»

Учитель жил рядом. Ганс кинулся к нему, как был - босой, в одной рубашонке да курточке, с клеткой в руках.

- Я могу ходить! - кричал он. Господи, Боже мой! - И он зарыдал от радости.

Да, вот была в тот день радость в доме Оле и Кирстины!

- Счастливей этого дня нам уж не дожждаться! - сказали они оба.

Ганса позвали к господам; много лет уже не ходил он по этой дороге, и теперь ему казалось, что и деревья-то все и кусты, которые он так хорошо знал, кивали ему ветвями и говорили: «Здорово, Ганс! Добро пожаловать!» Солнышко так и играло у него на лице и в сердце!

Добрые молодые господа усадили Ганса и так радовались его выздоровлению, словно он был им родной. Особенно радовалась сама госпожа; это она ведь подарила ему и книжку со сказками и птичку. Птичка, правда, околела от испуга, но всё-таки была виновницей выздоровления Ганса, а книжка тоже сослужила немалую службу: развлекала и утешала и мальчика и его родителей. Он и не хотел расставаться с нею никогда, хотел беречь и постоянно перечитывал её, до какой бы глубокой старости не дожил! Теперь он уже мог быть в помощь своим родителям и собирался научиться какому-нибудь ремеслу - лучше всего переплётному: тогда ему можно будет читать все новые книги!

Но после обеда госпожа призвала к себе родителей Ганса: она уже поговорила о мальчике с мужем, Ганс был мальчик прилежный, набожный и способный к учению, ну, и, Господь не оставит его!

В этот вечер родители Ганса вернулись домой как нельзя более довольные, особенно Кирстина, но через неделю она заливалась горькими слезами, снаряжая своего Ганса в путь. Правда его одели в хорошее платье, и сам он был мальчик хороший, но теперь его приходилось отправить за море, далеко-далеко! Он поступит в гимназию, и пройдут долгие годы, прежде чем родители опять свидятся с ним! Книжку со сказками ему не дали с собою; родители хотели сохранить её на память. И отец частенько перечитывал всё те же две сказки, - их-то он знал!

И вот от Ганса стали приходиться письма, одно другого радостнее. Он жил у хороших людей в хорошей обстановке, а лучше всего было то, что он мог посещать школу! Многому мог он там научиться! Теперь у него было только одно желание дожить до ста лет и когда-нибудь сделаться школьным учителем!

- Дожить бы и нам до этого! - толковали родители, пожимая друг другу руки, словно шли к причастию.

- Да, вот что случилось с Гансом! - говорил Оле. - Господь, значит, печётся и о детях бедняков! На нашем-то Сидне это как раз и сказалось. А, право, всё-таки это смахивает на сказку! Так вот и кажется, что Сидень только прочёл нам обо всём этом из своей книжки со сказками!